

Устная Цветаева: о трансмиссии авторских текстов

Елена Ф. Левочская

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия, leta.ugay@gmail.com*

Сергей С. Левочский

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия;
Первый Московский государственный медицинский университет
им. И.М. Сеченова, Москва, Россия, levochskys@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности распространения стихов Марины Цветаевой и комментариев к ним в советское и постсоветское время. На материале интервью и читательских эссе авторы восстанавливают истории знакомства с текстами, изучают, как люди читают поэзию, какие социальные связи в этом задействуются и какие смыслы транслируются. Авторы приходят к выводу, что трансмиссия текстов часто происходила устно, несмотря на наличие письменных и печатных источников. Доступ к таким источникам был ограничен, а допуск к ним – обусловлен личным доверием и формированием групп «своих». Как следствие, знание о текстах передавалось вместе с читательской и человеческой увлеченностью ими, ощущением культурной сопричастности и включенности в сеть «своих». Когда знания о поэте начинают распространяться, а стихи входят в школьную программу, ситуация меняется – Цветаева становится одним из писателей-классиков и может не вызывать личного отношения. Однако иногда любовь к стихам и образу поэта приходит к школьникам не через уроки литературы, а через маму, бабушку или других значимых взрослых, и служит связью между поколениями. Устная трансмиссия письменных текстов обуславливает особое читательское почтение к ним.

Ключевые слова: антропология поэзии, Марина Цветаева, самиздат, Цветаевские костры, тактики чтения

Дата поступления статьи: 17 января 2024 г.

Дата одобрения рецензентами: 19 февраля 2024 г.

Дата публикации: 26 марта 2025 г.

Для цитирования: Левочская Е.Ф., Левочский С.С. Устная Цветаева: о трансмиссии авторских текстов // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2025. Т. 8. № 1. С. 118–144. DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-1-118-144

Oral Tsvetaeva. About the transmission of authors texts

Elena F. Levochskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia,
leta.ugay@gmail.com*

Sergei S. Levochskii

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia; I.M. Sechenov First Moscow State Medical University,
Moscow, Russia, levochskys@gmail.com*

Abstract. The paper examines specific features of the dissemination of Marina Tsvetaeva's poems and comments on them in Soviet and post-Soviet times. The readers stories of knowledge and reading of the poetry, the social contacts and the transmitted meanings are reconstructed on the base of interviews and reader's essays. Authors argue that, in spite of the written and published sources, the texts transmission was oral. The access to printed sources was limited and conditioned by personal trust and the formation of friendly groups. As a result, the knowledge about the texts was transmitted along with the reader's and human fascination with them, a sense of cultural belonging and inclusion in the network of ingroup. The situation has changed with the spread of knowledge about the poet and the inclusion of her poetry in the school curriculum. Tsvetaeva becomes one of the classic writers who may not evoke a personal connection. However, sometimes schoolchildren's love for poetry and the image of the poet comes not through school, but through their mother, grandmother or other significant adults, and it serves as a connection between generations. The oral transmission of written texts determines the reader's special respect for them.

Keywords: anthropology of poetry, Marina Tsvetaeva, samizdat, Tsvetaevsky bonfires, reading tactics

Received: January 17, 2024

Approved after reviewing: February 19, 2024

Date of publication: March 26, 2025

For citation: Levochskaya, E.F. and Levochskii, S.S. (2025), "Oral Tsvetaeva. About the transmission of authors texts", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 8, no. 1, pp. 118–144, DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-1-118-144

Введение

Имя Марины Цветаевой окружено читательской любовью. Любовью разной – уединенной и разделяемой с другими, поверхностной и глубокой. Отчасти это связано с судьбой поэта и смыслами, которые транслируются в стихах и прозе. Отчасти – с тем, как распространялись эти тексты.

В статье мы бы хотели поговорить о трансмиссии стихов конкретного автора, а также авторского мифа, питаемого автобиографической прозой и воспоминаниями современников. Несмотря на то что все эти тексты – безусловно явление письменной (печатной) культуры, мы утверждаем, что распространялись они часто устно, и хотим показать, как это повлияло на образ Цветаевой в российской культурной традиции и восприятие ее наследия читателями.

В качестве материала использованы: 1) глубинные интервью, взятые по предварительной договоренности; 2) мини-интервью, спонтанно записанные на литературных мероприятиях; 3) подборка эссе, присланных на конкурс журнала «Новый мир»¹; 4) ответы на проведенное нами электронное анкетирование (22 вопроса в Google Forms о чтении Цветаевой, на которые ответили 42 респондента в возрасте от 19 до 72 лет).

Часть I

Из уст в уста: пути распространения текстов

Этап 1. Закрытое знание

Истории узнавания о Цветаевой в середине XX в. часто носят личный характер. Знакомство с текстом случайно, но вплетено

¹ Все эссе, поступившие на конкурс к 130-летию Марины Цветаевой // Новый мир. URL: https://nm1925.ru/articles/publications/obyavlyaem-konkurs-esse-k-130-letiyu-mariny-tsvetaevoy/?sphrase_id=6073 (дата обращения 22 дек. 2024). Далее мы приводим цитаты из этих эссе, в скобках указан порядковый номер эссе в подборке.

в семейную историю или биографию. В одном из эссе, присланных на конкурс «Нового мира», автор приводит свидетельство своей бабушки об устном бытовании нарратива о Цветаевой, восходящего к ее дневнику:

Все женщины во время войны рассказывали ее дневник друг другу. Также как я тебе сейчас. Из уст в уста. Везде, на Севере, в Москве, в Ленинграде, Сибири, в нашем поселке голодные, уставшие женщины нет-нет да и вспомнят о том, как жила последние дни Марина Цветаева. Поплачут, пожалеют ее, друг друга и решают жить дальше (эссе № 147).

Цветаева входила в круг имен, которыми аужались советские интеллигенты. Ее тексты переписывались и распространялись через самиздат: «Первую книгу Цветаевой я увидел в детстве – самиздатскую, переплетенный ксерокс. Не редкость в те времена» (эссе № 131). В «Антологии самиздата» приведены стихи Цветаевой, ходившие в 1950-е гг.²

Поэт Михаил Яснов вспоминает литературную жизнь Петербурга:

<А вот такой вопрос. Вы сказали, что читали запрещенных поэтов. Был ли тогда такой круг авторов, ну, круг имен, да, знание которых само по себе уже как-то объединяло людей?> Да. Вы совершенно правы. Это было знание, в основном, поэтов Серебряного века. Если говорить о русских делах... <В нашей довольно большой группе молодых переводчиков педагог Э.Л. Линецкая> целенаправленно приносила каждый раз какую-нибудь книжку тогда еще запрещенного поэта. Это действительно был либо *Ходасевич*, либо *Цветаева*, либо *Гумилев*. В общем, весь набор поэтов, которых... запрещенных было довольно немало. Мы их читали. Мы их узнавали. Мы их учили. И на них ориентировались (МДЯ).

В статье об этнографии «эзопова языка» приведен пример из интервью одного из авторов статьи с представительницей петербургской интеллигенции, которая дважды знакомилась со своим мужем. Первый раз, когда они были студентами, он сразу начал «разговаривать про Цветаеву и про все дела», и она приняла его за провокатора. Только позже, когда они встретились через общих знакомых, стало понятно, что это не так. «Те, кто приезжает

² *Марина Цветаева*. Стихотворения 1920 года // Антология самиздата. URL: <http://antology.igrunov.ru/authors/tsvetaeva/tsvet-1.html> (дата обращения 22 дек. 2024).

<в столицы из провинции>, – вынуждены рисковать. И риск двойкий – что на них настучат или что примут за провокатора» (ж., 1955 г. р., ученый) [Югай 2018]. В городских кругах Цветаева становится знаком-индексом антисоветских разговоров («и все дела»), поэзией не для всех, сопряженной с риском. Как следствие – разговор о ней или чтение стихов происходит в компании людей, которые доверяют друг другу, скрепляет это доверие и ассоциируется с ним.

Чтение стихов по кругу – распространенная в интеллигентской среде практика. По воспоминаниям, знание «неофициальной» поэзии наизусть не только было доблестью в личном общении и в компании, но и помогало сохранить рассудок в экстремальных ситуациях, в частности в трудовых лагерях [Гронас 2012]. О последнем пишет также Варлам Шаламов в рассказе «Афинские ночи»³. В быту возникает практика узнавания «своих» по оброненным в речи цитатам.

Параллельно происходит узнавание Цветаевой через места и биографические привязки. Так, жительница Тарусы, учительница иностранного языка, делится:

Я знала, что я живу рядом с Тарусой. И мы ездили в Тарусу просто чтобы посмотреть. А потом мы приезжали 10 лет подряд на эти места. В музей Цветаевский ходили и с родственниками там разговаривали, какие еще были, которые помнили Анастасию. В общем-то, мы все это видели, и мне это стало уже интересно. <...> И потом я стала вот их <стихи> сама читать в сборниках, журналах. Как-то такой особой любви не было. Восторга не было. Но когда я читала ее письма, вот только тогда <появился восторг>. Мне не нужно было ее никакую биографию читать. Потому что я все сразу понимала, как она понимала жизнь, как она страдала (СРС).

В таком приобщении людей объединяет не доверие внутри группы «своих», но место жизни (одно из памятных мест поэта). Показательно, что не стихи, а человеческий документ, письма становятся главным текстом для нашей собеседницы.

В 1960 – 1970-е гг. появляется неофициальный музей Цветаевой, выросший из таких практик собирания информации о поэте, а также публикаций и связанных с ней предметов:

Лев Абрамович Мнухин. В своей квартире собрал первый фактически Цветаевский музей. Издания собрал. Вещи Цветаевой находил

³ Шаламов В.Т. Афинские ночи. URL: <https://shalamov.ru/library/7/17.html> (дата обращения 22 дек. 2024).

где-то. <...> Что-то попадало в комиссионки, в букинистические магазины. В его доме целая комната была посвящена Цветаевой. К нему частным образом ходили люди (ГЛК).

В это время доступ к тексту есть у немногих, а допускают к нему только при высоком доверии или человеческой близости (см. рис. 1).

Этап 2. Сеть

Далее поэзия Цветаевой распространяется через списки и перепечатки: «На первом курсе института. Подруга приносила нам перепечатанные стихи» (КГ). А после того как в 1965 г. вышла книга в серии «Библиотека поэта»⁴, люди начинают перепечатывать комментарии Анны Саакянц, переписку Цветаевой с Пастернаком, воспоминания Анастасии Цветаевой⁵ и др. В подборке эссе эта книга упоминается как подарок от мамы на свадьбу (эссе № 135) или подарок от подруги (эссе № 143). Для кого-то первое знакомство происходит через песни в фильме «Ирония судьбы, или С легким паром» (1975) (эссе № 73, 157). Реже – другие песни:

Я услышала, будучи школьницей, в исполнении Эдиты Пьехи прозвучала песня «Горечь». Слова Цветаевой. Она меня потрясла, я не знала, кто это, что это. Но она меня совершенно... запала так глубоко в душу, что когда уже я была студенткой, и в <19>75-м году... Мне предложили на выбор две книжки – Пастернака или Цветаеву, я сначала выбрала Пастернака, но попросила, чтобы в следующий год <привезти Цветаеву> (это был лагерь спортивный), и на следующий год тренер мне привезла Цветаеву. Первое, что я открыла – это было стихотворение «Горечь». Стихотворение меня как-то зацепило. И с [19]76-го года я в поле Цветаевой нахожусь (ЯВВ).

Далее наша собеседница рассказывает, как нашла самиздатовский (машинописный) сборник, как ходила вместе с подругой в библиотеку МГУ («Она давала мне почитать и переписать из сборника большой серии “Библиотеки поэта” про Марину Цветаеву»). Читательница не останавливается на получении «солидной подборки» стихотворений и выписанных комментариев. Она

⁴ Цветаева М.И. Избранные произведения. М.; Л.: Советский писатель, 1965. 828 с. (Библиотека поэта. Большая серия)

⁵ Цветаева Анастасия Ивановна (1894–1993) // Антология самиздата. URL: <http://antology.igrunov.ru/authors/CvetaevaA/> (дата обращения 22 дек. 2024).

начинает выступать с чтением Цветаевой: «Это были студенческие аудитории в общежитиях, т. е. у нас была с подружкой зарегистрированная программа в Доме народного творчества. Официально» (ЯВВ).

Наша собеседница из другого поколения и другого региона делится, как они с подружкой в юности начали читать Цветаеву вслух, и, меняя программу в соответствии с возрастом и настроением, продолжают это делать до сих пор:

...в начале <19>90-х мы с моей подружкой вместе учились на филфаке. <...> Мы стали читать Марину Ивановну вот таким дуэтом. Мы сделали цикл <включавший стихи и воспоминания>. И мы же очень долго читали Марину Ивановну вот так вдвоем. И в школы мы приходили, и в училища тогда. Вместе ходили. И здесь у нас читали в библиотеке. И в пединституте тогда еще. Для студентов. Мы читали их под живую музыку. Мы читали их под грампластинки. Музыкальное сопровождение обязательно (ШНВ).

В интервью филолог, специалист по творчеству Цветаевой, рассказывает, что у родителей оказался журнал «Крестьянка» с подборкой «Строки о любви» Цветаевой, где были стихи «Вчера еще в глаза глядел»⁶. Девочка попросила у мамы достать через

⁶ Похоже описывает первую встречу с поэзией Цветаевой Елена Фролова, автор песен, за которые стала лауреатом Цветаевской премии в 2022 г.:

– Лена, когда у тебя произошла встреча с Цветаевой и когда появилась первая песня на ее стихи?

– А ты помнишь, раньше были такие журналы – «Работница» и «Крестьянка»?

– Конечно. Помню.

– В них была одна страничка, посвященная поэзии. Моя бабушка, у которой я каждый год бывала летом, выписывала эти журналы. Там-то я и увидела вот это: «Мой милый, что тебе я сделала...» и еще несколько стихотворений, которые меня просто пронзили. Было мне в то время лет четырнадцать, и уже года два я играла на гитаре, которую мне на день рождения подарила мама. Вскоре после знакомства со стихами Цветаевой появилась песня «Писала я на аспидной доске».

Песенно-поэтический мир Елены Фроловой // Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. URL: http://www.elabuga.com/tsvetaevaAward/_worldOfElenaFrolova.html (дата обращения 22 дек. 2024)]. См. также в одном из эссе (№ 135).

знакомых книгу из взрослой библиотеки, но мама вернулась со словами: «Это опальная поэтесса, ее не издают». Далее читательница описывает долгий поиск, переписывание стихов и комментарии к ним в тетрадку. Рассказывает, как она, четырнадцатилетняя девочка, сбежала с урока физкультуры, чтобы записать на катушечный магнитофон программу, в которой Роберт Рождественский читал «Идешь на меня похожий». Вспоминает чудесную встречу с книгой в букинистическом магазине:

<В букинисте появилась книга Цветаевой, не продавалась, был обмен, например на книгу серии «Современный детектив».> У меня таких книг не было, но они были у моей одноклассницы. Я видела. Я к ней обратилась, ее Марина еще звали, значит, я говорю: «Марина, пожалуйста!». Она говорит: «Я не могу, это же книги мамы. Я у нее спрошу». Потом приходит, говорит: «Мама сказала нет». Я говорю: «Ну, Марина, ну, мне очень надо. Я готова любые свои книги принести, там Джек Лондон, Герберт Уэллс, что угодно, что вам надо. Я заплачу. Сэкономлю с завтраков деньги». <...> Потом я пришла даже <...> «Галина Федоровна, я на колени встану <...> Ну, пожалуйста, вот мне очень нужна Цветаева». Она не дала, она сказала: «Не сходи с ума», я даже интонацию помню. «Что ты с ума-то сходишь? Перестань дурью-то маяться». Я страдала, думаю: «Ну, все, наверно, книга ушла, она так долго не простоят». И вдруг Марина мне приносит этот «Американский детектив»: «На, мама сказала: “Пусть забирает”». Дошло, видимо, что лучше не мучить девочку (ТЕВ).

Отношения между рассказчицей и стихами – личные, никто не был посредником. Но чтобы получить книгу, пришлось задействовать маму девочки, знакомых библиотекарей, владельцев книг, которые давали их на ночь для переписывания, подругу, маму подруги, над которой юная читательница Цветаевой одерживает моральную победу, школьных учителей, которые могли заметить прогул, и других людей. В дальнейшем читательница защитит кандидатскую диссертацию по творчеству Цветаевой и будет среди коллег считаться специалистом по этому имени. Таким образом вокруг практики чтения образуется группа свидетелей читательской любви.

Книга Цветаевой обладает ценностью, и истории ее получения (или неполучения) запоминаются на всю жизнь:

... когда приходилось искать по стихотворению, по подборочке <...> и я сама это все собирала, по крупиночке....

...ты не застала эти «дивные времена» <...> в 1974 году (ты была на свете-то? Нет?) мне довелось оказаться в Париже. Это был совсем не

тот Париж, который сейчас. <...> И я искала там ее книжку, потому что там были магазины, наши магазины, с нашими книгами. И мне не повезло, потому что была одна книжка, и она досталась не мне. Кто-то увидел вперед <из нашей группы>. И я помню, как огорчение, как я не знаю что, эту книжку, что она мне не досталась (СНВ).

На волне перестройки интерес к Цветаевой захватывает и людей, далеких от литературы. В цитате ниже собеседница воспринимает Цветаеву через две устные традиции: 1) рассказы о «не рядовых» людях, прежде вычеркнутых из истории советской цензурой; 2) песенную традицию, которая вначале кажется анонимной (исполнитель как будто и есть автор, это его песня), а потом из нее выделяются любимые поэты (для говорящей таким автором, собранным из отдельных понравившихся песен, и оказалась Цветаева):

...я, конечно же, как все, наверно, люди в <19>90-е годы или там в конце <19>80-х для себя ее <Цветаеву> открыла. Стало можно о ней говорить. И я узнала о ней, кроме собственно стихов, там чего-то о ней как о человеке. Сам факт, что раньше она была запрещенный человек. А поскольку такого было много, я даже... ну достаточно много люди открывались разные, отдавала себе отчет, что это, в общем, значит, необычный, не рядовой человек. Я не могу сказать, что я знаю много поэзии. Или интересуюсь, или читаю наизусть. <...> Каждый человек, кто вот подрастает, в какое-то время открывает для себя, скажем, то, что называется, ну, не эстрадной песней, а вот такие вот – у костра, там, под гитару, бардовские... <что-то нравилось больше другого> ... поскольку много было самостоятельных авторов, получалось, что это его песня и есть. <...> Постепенно я доросла до такого осознания, что я стала понимать, что каждая песня имеет авторов стихов, музыки, ну, и исполнителя (СЛА).

Трансмиссия текста может происходить следующим образом:

1. Случайная встреча с текстом (журналы «Крестьянка», «Работница» или фильм «Ирония судьбы»).
2. Поиск информации и текстов, копирование в тетрадку, образ собирается по крупицам.
3. Читатель тратит много сил, становится «специалистом» по Цветаевой, занимается просвещением – вовлекает подруг, учеников и др.
4. Другие перенимают не только знание о текстах, но и увлеченность ими и образом поэта (в некоторых случаях только последнее).

5. Разговор о Цветаевой становится разговором о жизни как таковой: о спасающей культуре, репрессивном государстве или женской судьбе.

Приобщение к поэзии и личности Цветаевой происходит либо через индивидуальный поиск – и тогда человек становится адептом творчества Цветаевой, знакомит с ним окружающих, – либо через других людей, чаще всего подруг, учительниц, старших родственниц. На каком-то этапе – обладание книгой или знакомство со свидетелями – читатель чувствует желание, если не моральную обязанность, передавать это знание дальше. В круг читателей вовлекаются родные или друзья. На волне такого желания делиться Цветаевой возникает движение цветаевских костров, оно началось в Тарусе и задействовало десятки точек на карте. Это ежегодные чтения, которые проходят на открытом воздухе, если позволяет погода. Программа может включать песни на стихи Марины Цветаевой, декламирование, рассказы о книжных новинках, спонтанные выступления. Как правило, костры привязаны к месту жизни Марины или ее сестры Анастасии⁷. Обязательным элементом служит возжигание огня – реальное или (реже) символическое.

Участница Цветаевского движения рассказывает:

Я была в первый день первого костра. Это было 6 октября 1986 года. По сарафанному радио распространилась информация. Среди своих. Тогда еще не очень Цветаеву можно было читать. В Тарусе разрешили провести литературный вечер, посвященный Цветаевой, читать ее поэзию. Мы приехали. Причем, люди мало знакомые друг с другом. Ну, поскольку сеть... Это мы сейчас понимаем, что такое сеть. А раньше просто кто с кем созвонился, договорился. И увидели, что на дверях вот этого помещения висит замок. Две девушки из Тарусы, которые организовывали, были очень расстроены. И они решили нас просто поводить, познакомить с Тарусой. Показать места, связанные с Цветаевыми. Был не очень жаркий, мягко говоря, день. И как-то так переговорив, родилось такое вот решение: пойдемте просто у костра. Примерно на том месте, где вот Марина в детстве с Анастасией жгли костры. Ну, условно, конечно. На берегу Оки [ЯВВ].

Сеть – точное определение. Люди, не знакомые лично, становятся связаны через имя Цветаевой, которое – за счет особенностей устного распространения – служит «коммуникативным медиумом» (формулировка В. Изера относительно литературы

⁷ Некоторые костры позиционируют Анастасию как центральную фигуру, потому что связь с местом есть именно у нее.

как практики [Изер 2008]), возможно даже, основой формирования «эмоционального сообщества» [Розенвейн 2023].

При всем смысловом богатстве наследия Цветаевой и разности ее поклонников, есть объединяющие смыслы и оценки. В частности, имя Цветаевой отсылает к идее спасительной силы культуры. В нарочно утрированном виде (выступление на костре в 2023 г.) этот постулат выглядит так:

...Вот это «бум-бум-бум-бум-бум». <...> Это они готовятся к 1 сентября. <...> Вот так воспитывают наших детей: или патриотическими песнями – «Идем строем, поем хором», или вот этой бурдой просто, да? Извините, что я так резка, но достало. И поэтому то, что мы здесь собираемся, такие сумасшедшие, которые все бросают и сюда приходят, <...> – мы с вами противостоям тому, что происходит сейчас. Большое вам спасибо. <...> Если мы любим Цветаеву, вот кто может, мы боремся как можем против того, что нас накрыло. Мы должны это хранить⁸.

Ритуальная природа Цветаевского костра стала предметом другой статьи [Левочский, Левочская, Морозова 2024]. Здесь нас интересуют устное распространение текстов, а также социальные связи, возникающие и существующие внутри читательского сообщества. В современном состоянии Цветаевские костры – это скорее замкнутое сообщество. Участники ездят друг к другу в гости, поддерживают связь на уровне дружб, обмена книгами, взаимных упоминаний на событиях. Во время наблюдения на мероприятиях мы не заметили большого количества молодых людей или людей, пришедших впервые. Однако наблюдатель фиксирует в полевом дневнике следующую рефлекссию:

Оказалось, что я заблуждалась, думая, будто на костре важно знать МЦ и ее творчество. Все собеседники сказали, что можно познакомиться с Цветаевой тут, и это тоже будет очень хорошо. Это выводит к (самой?) важной, как мне показалось, функции или роли костров, которая осознается и поддерживается участниками. Костер – это такой оплот культуры, они сохраняют и охраняют литературу, выражают свое к ней бережное отношение, противостоят внешнему давлению. См. речь Л.: давление политики, министерства образования, современного творчества, непонятного и дикого⁹.

⁸ Цветаевский костер, г. Петрозаводск, 2023. Полевой дневник Я.А. Савицкой.

⁹ Там же.

Роль неопита включена в структуру костра, который потенциально заточен на распространение знания о поэте.

При этом возникает ограниченный круг текстов и нарративов, распространяемых устно. Наша наблюдательница заранее «заскринила» стихи, которые, в случае необходимости, готова прочитать. Популярные «Август» и «Прохожий» были прочитаны другими участниками, а менее известный «В классе» она и прочитала, когда очередь по кругу дошла до нее.

Когда заканчиваю читать, кто-то (кажется, НВ) спрашивает, мое ли это стихотворение, отвечаю «Цветаевой», все удивлены. НВ цитирует «О сколько нам открытий чудных...!», спрашивает, где я такое стихотворение нашла, отвечаю правду: «Великие интернеты». Пожилая женщина недалеко от меня скептически замечает, что в интернете как угодно могли подписать. Я сама засомневалась, но потом проверила, оказалась все-таки Цветаева. НВ еще раз повторяет «Единица!» <слово, завершающее первую и третью строфу стихотворения>, возможно, чтобы запомнить и потом найти это стихотворение¹⁰.

Эти стихи (из сборника «Волшебный фонарь») в том же интернете присутствуют в виде разборов для школьников, то есть редкими их не назовешь. Но участницам костра, не первый год слушающим Цветаеву и, возможно, ощущающим себя специалистами в ее творчестве, они не известны. Потому что стихотворение, которое прочитала молодая участница, принадлежит другой устной традиции – школьного чтения.

Этап 3. Включение в ряд

После перестройки стихи Цветаевой включаются в школьную программу. Несколько текстов появляются в средней школе, основной корпус – в 11-м классе. Соответствующий раздел рабочей программы одной из школ включает четыре обязательных текста («Мои стихи, написанным так рано...», «Имя твое – птица в руке...», «Кто создан из камня, кто создан из глины...», «Тоска по Родине! Давно...») и три дополнительных («Попытка ревности», «Стихи о Москве» «Стихи к Пушкину»), а также несколько тем для обсуждения, например «Искренность лирического монолога-исповеди. <...> Трагичность поэтического мира Цветаевой, определяемая трагичностью эпохи»¹¹. В другой рабочей программе

¹⁰ Там же.

¹¹ Рабочая программа по учебному предмету «Литература» (базовый уровень). URL: <https://school42.tomsk.ru/files/img/lit10.pdf> (дата обращения 17 дек. 2024).

указаны те же обязательные тексты, а в качестве дополнительных – «Прохожий» и «Куст», темы включают: «Конфликт быта и бытия, времени и вечности. Поэзия как напряженный монолог-исповедь»¹². Видна попытка включить Цветаеву в школьную программу вместе с окружающим ее тексты дискурсом. Однако те, кто впервые познакомился со стихами в школе, не выражают сильных чувств и не дают развернутых ответов на вопрос о своем знакомстве с текстами и отношении к ним:

<Впервые узнали> на уроке литературы. Впечатлений как таковых не было. Такие же стихи, как у всех [Инф. 1].

Не помню какие впечатления были в первый раз, но сейчас, когда открываю ее стихи, то они кажутся очень далекими и не близкими. Никаких чувств не вызывают [Инф. 2].

В интервью с одиннадцатиклассницами, с которыми накануне был проведен урок по углубленному изучению Цветаевой, включающий прослушивание песен и рассказ о биографии, звучат неуверенные реплики:

Возможно, в силу возраста, мы как бы понимаем какие-то тонкости, может быть, что-то откликается в нашей душе, но не полностью. Поэтому, возможно, это такой, «поэтесса на вырост», так сказать [Инф. 3].

Я чувствую какое-то отдаленное родство с Мариной Цветаевой, но понять ее пока что не могу и надеюсь, что я когда-нибудь приду <к ее стихам> [Инф. 4].

Разница в статусе – поэт школьной программы «спускается сверху» – обязывает к уважительному высказыванию, однако наши собеседницы не уверены в своем праве на интерпретацию.

Для увлеченных литературой (олимпиадников, учеников профильных классов) знакомство может произойти раньше. Причем в этом случае они работают в парах и небольших группах (с репетитором или в рамках личного общения с учителем), а не в окружении класса. Так рассказывает школьница в интервью:

... мне нравился Блок в целом, как личность. Я помню, что прочитала воспоминания о Блоке. <...> И он прям его описывал как ну вот

¹² Рабочая программа по литературе / Образовательная социальная сеть. URL: <https://nsportal.ru/shkola/literatura/library/2011/07/27/rabochaya-programma-po-literature> (дата обращения 17 дек. 2024).

максимально преисполненного человека. Ну, вот он мне прям очень сильно откликнулся. А Цветаева... Я ее начала читать, потому что в 10 классе я решила заняться литературой. <...> И мне учительница сказала, что скорее всего будет Серебряный век на олимпиаде, стоит обратиться к Цветаевой. Ну, и я прочитала стихотворение «Молитва». Это очень, я вот помню, оно мне понравилось... (АК).

В августе 2023 г. на встрече со школьниками 8–10-х классов я (Е. Л.) спросила про отношение к Цветаевой. Большинство учеников не среагировали на имя, потому что на уроках литературы ее творчество еще не проходили (или они промолчали из-за того, что вопрос был обращен к группе, а не к каждому лично, что тоже возможно). Однако три прозвучавших ответа как будто представляют три возможные модели отношения: нейтральное (знание о существовании), негативное (на уровне здравого смысла неприятие выходящих за социальные нормы эпизодов биографии, готовность осуждать), позитивное (принятие собственного мифа поэта об ее исключительности, готовность защищать). Приведу транскрипт беседы:

(Ученица А): Ее проходят в 11-м, но я читала.

(Ученик Б): Я что-то слышал о Цветаевой.

(Ученица В): Я закончила 9-й класс, мы ее прошли, я бы не сказала, что она мне сильно нравится. <...> Цветаева мне даже не нравится с точки зрения биографии.

<Спасибо. А что конкретно можете (сказать)?>

(Ученица В): История ее детей довольно грустная.

(Ученица А): Но это не делало ее плохим человеком. В те времена вообще было мало денег. <...> Но мне очень нравится ее история с мужем. Про пуговицу. Знаете ее?

<Расскажите.>

(Ученица А): Ой, вроде бы она сказала, что у нее была куча фанатов, и они ей пытались все что-то подарить. А потом ее муж протянул ей пуговицу свою, сказал, что больше нечего ей подарить. В.В. <имя учительницы>, вы не помните?

(Учительница): Рассказывай-рассказывай.

(Ученица А): ...он протянул ей пуговицу <прикасается к пуговице на вороте своей рубашки>, и она сказала: «Вот то, что мне нужно». Но в целом он такой, я смотрела его фотографии – у него такой мечтательный красивый взгляд... Мне кажется он очень ей подходил.

Рассказ восходит к сюжету о сердолике – Эфрон угадал его и подарил Цветаевой. В эссе, присланном на конкурс «Нового

мира», цитата из воспоминаний Ариадны Эфрон¹³ приводится со следующим вступлением:

Большое счастье приняло форму маленького розового сердолика, который, по мечтам Марины Цветаевой, должен подарить ей будущий муж. «Конечно, сердолик этот он нашел тотчас же, на ощупь, ибо не отрывал своих серых глаз от ее зеленых, – и вложил ей его в ладонь, розовый, изнутри освещенный, крупный камень, который она хранила всю жизнь, который чудом уцелел и по сей день» (эссе № 145).

В подборке эссе этот сюжет с вариациями пересказывается около десяти раз. Надо сказать, что не только школьница, но и газеты и другие источники в интернете пересказывают историю по-разному. Сюжет трансформируется, как фольклорная сказка, сохраняя фабулу и мораль – сложное испытание женихам, которое проходит только истинный герой, действующий необычным способом и угадывающий сокровенное желание героини. В рассказе школьницы предмет (камень) изменился на повседневный, близкий рассказчику (пуговица). Таким образом, любовь к поэту совпадает с некоторыми искажениями, свойственными трансмиссии фольклорного текста. Устная Цветаева – читательская Цветаева.

Наконец, увлеченность поэтом иногда берет начало в семье:

Любовь с первого взгляда. Бабушка привезла два тома, я прочитал их дня за три. Читал, упиваясь, каждой строчкой, каждым словом, как водой в жару [Инф. 5].

У моей мамы к Цветаевой всегда было трепетное отношение, поэтому с поэтом я познакомилась еще до школы. Мне нравился ее стиль, нравилось то, о чем она пишет. Я чувствовала в ее словах какую-то нечеловеческую боль и одиночество, как будто зверя загнали в угол и он скалитесь, не подпуская к ране. Мне даже до определенного момента хотелось, чтобы мои стихи были похожи на Цветаевские [Инф. 6].

Для современных школьниц и студенток Цветаева – часть школьной программы, поэтому особого отношения не возникает. Но оно может появиться, когда на это знакомство накладывается увлечение родителей или учителей.

Схематично трансмиссию текстов Цветаевой и комментариев к ним в разных поколениях читателей можно изобразить следующим образом (рис. 1, 2, 3). На схемах точками обозначены читатели, стрелками – направление устной трансмиссии текстов

¹³ См.: *Эфрон А.С.* Неизвестная Цветаева. М.: Алгоритм, 2012. 304 с. (Гении и злодеи)

Рис. 1

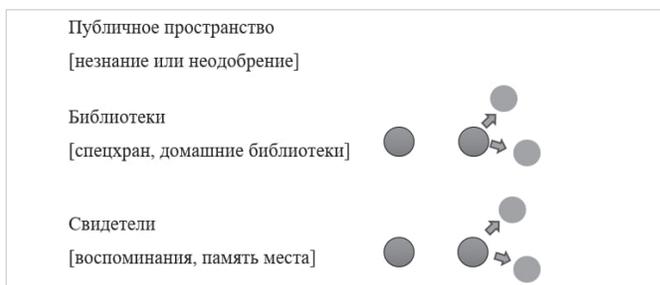

Рис. 2

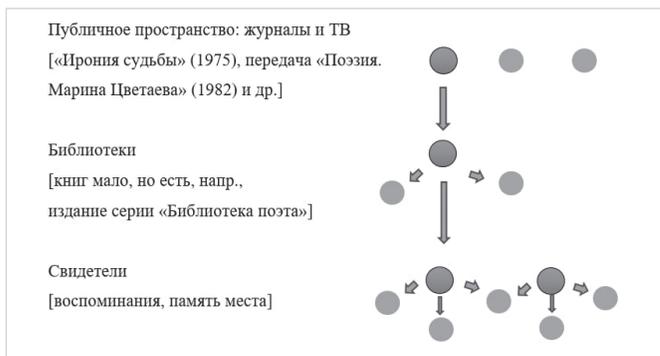
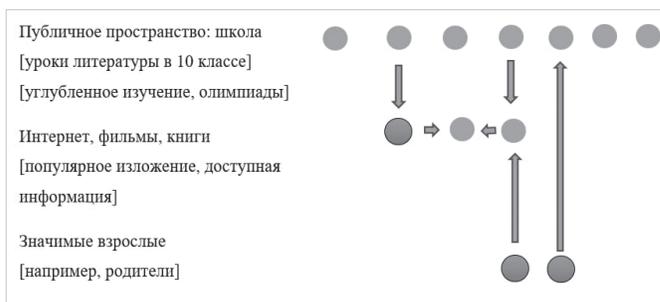

Рис. 3

и комментариев к ним. Рис. 1 – трансмиссия до издания тома «Библиотеки поэта» и появления текстов Цветаевой в периодике и на телевидении. Некоторые люди (выделены на схеме) формируют вокруг себя гнезда распространения традиции: читают вслух, занимаются увековечиванием памяти, делятся текстами для переписывания.

На рис. 2 показана трансмиссия текстов в позднее советское время и перестройку. Читатель постепенно узнает больше и становится не просто читателем, но специалистом (развитие показано стрелками). Здесь также обведены люди, которые распространяют традицию, теперь через спектакли, разговоры, костры.

Рис. 3 – трансмиссия текстов после включения Цветаевой в школьную программу. В этом поколении читатели могут полюбить Цветаеву благодаря ровесникам, но чаще любовь приходит через межпоколенческую (иногда внутрисемейную) наследственность. Большая часть читателей знает Цветаеву по школьной программе.

Часть II

Эффекты устного распространения: подруга

Каким же образом при столь ярком индивидуализме Цветаева становится связующим звеном между столькими читателями? Поэт осмысливается не только как образец, но и как подруга. «В поэзии Марины Ивановны всегда можно найти ответы на свои трудности, – начинает свое эссе учительница музыки, – получаешь и наставления, и советы» (эссе № 63). На вопрос «Кто такая Цветаева?» бабушка автора другого эссе отвечает: «Она поэт» так, «словно она ее подруга». Слыша рассказ, как Марина отправила сына на совхозные поля, девочка сначала думает о совхозных полях поблизости от того места, где они с бабушкой убирают картошку (эссе № 147). Описывая поэта, читатели отмечают: «Широкий кругозор Марины Цветаевой ставил ее в центр дружеского внимания – с удивительным собеседником хотелось пообщаться многим» (эссе № 151). Поэт становится удаленным собеседником, возможностью поговорить с собой, поучиться «уверенности в себе» (эссе № 63), и одновременно – авторитетной инстанцией. Так, школьница думает, у кого спросить совета по поводу собственного творчества, и приходит к выводу: «У человека, несомненно, талантливого и одаренного, рожденного, чтобы творить, и творящего, чтобы рождалась вновь и вновь. У Марины Цветаевой, которой и посвятила свой первый сборник стихов. Но я решилась <отправить рукопись>. Ведь, как показала Марина Ивановна, это того стоит» (эссе № 155).

Не случайно некоторые эссе написаны во втором лице («Разговор с Мариной» – эссе № 2): от полумистического обращения «Ты – голос бытия. Ты – творческая потенция, стремительно прорывающаяся наружу, Ты не подвластна мирским законам. Ты была и остаешься символом недосказанности, загадки» (эссе № 95) до подчеркнуто бытового общения двух женщин: «за сто лет Россия совсем не изменилась» (эссе № 25). А некоторые – даже от имени Цветаевой (эссе № 69, 21).

Стиль стихов и дневников с фокусом на своих переживаниях учит и читательниц делать так же. «Немногие захотят разбираться

в своем внутреннем мире, кто-то даже намеренно избегает этого» (№ 104), – пишет автор эссе, однако у Цветаевой можно научиться требуемому бесстрашию – и стилю речи. На вопрос анкеты «За что вы любите или не любите стихи Цветаевой» люди отвечали:

Люблю за то, что человек не врет, просто не может врать, врать больно и противно [Инф. 7].

Так как они <стихи> искренни, независимы и необычны. Ее стихи иногда вдохновляют, иногда успокаивают, иногда дают силы, а иногда и взбудораживают и это мне очень нравится [Инф. 8].

За ее открытость и точную передачу глубоких человеческих чувств [Инф. 9].

Одна из участниц цветаевского движения в устном интервью формулирует:

...когда соцреализм был во главе угла, конечно, цветаевская лирика на самые разные темы, она заставляла думать. Вот это, наверно, самое главное. То, что люди не могли почерпнуть в ежедневном каком-то чтении и слушании, они могли почерпнуть у Цветаевой. Это заставляло думать и оценивать как-то происходящее под своим углом. Ее воспринимали именно как человека, который куда-то ведет и соединяет <времена?>. <...> То есть она все время с тобой в диалоге. И ты, проговаривая ее стихи,ходишь в диалог с теми, кто тебя слушает (ЯВВ).

Интонации Цветаевой создают для читателей комфортную эмоциональную среду, располагающую к диалогу. При этом его стиль задается художественным словом. «Когда пишешь о Цветаевой, хочется писать, как Цветаева. Не стихи, конечно, прозу» (эссе № 109), – признается школьник.

В эссе и интервью возникают свидетельства, что чтение стихов Цветаевой подталкивает к собственным стихам, часто – вплетенным в личные истории взросления или влюбленности. «Не помню сколько нам было, наверно 13–14 лет, и тогда я написала свое первое большое стихотворение под влиянием поэзии Цветаевой. Крик совы. Вдохновение» (№ 26), – делится автор одного из эссе, и далее, в числе прочих пересечений, следует история с будущим мужем: в электричке разговорились о Доме-музее Цветаевой.

Преподаватель замечает в эссе, что под Цветаеву написать можно, и пишут, что ее творчество «и до сих пор “оказывает” <влияние>: некоторые произведения подобной стилистики

иногда ошибочно приписывают Цветаевой – и массовый читатель не всегда осознает (невинную, конечно) подмену, потому что чувствует подобное цветаевскому мировосприятие, где нет места трусости и фальши» (эссе № 131). Цветаева создала продуктивный поэтический шаблон, в рамках которого возможно порождение новых текстов – не по принципам литературы¹⁴, но по принципам фольклора, когда глобальное авторство гипертекста остается за реальным или вымышленным персонажем, но в рамках этого гипертекста почти любой может создать собственное, приуроченное ко времени и ситуации, высказывание.

Такие стихи – реплика в диалоге. Цветаева как подруга, помогающая пережить подростковый возраст, появляется и в эссе современной школьницы:

С каждым годом мир становится все более непонятным: новые ощущения, эмоции, события – немыслимо, как во всем этом разобраться. Не знаю, для чего идет время, для кого я меняюсь. И кажется, что никто меня не понимает. Точнее, казалось. А потом я открыла для себя сборник Марины Цветаевой «Вечерний альбом». Открыла – и больше не закрывала. <...> Взрослый мир для лирической героини ощущается враждебным, полным ограничений и лишений. Как это знакомо! Впереди все еще неизвестность, но я теперь не одна. Смотреть прямо уже не так страшно, когда рядом тот, кто тебя понимает (эссе № 129).

Это касается не только подростковой лирики, проходящей с возрастом, но и поэтических текстов, имеющих огромную аудиторию. Разделение с Цветаевой собственной женской доли показано в стихах (песне) «Читая Цветаеву»¹⁵ поэтессы и барда Вероники Долиной (1956 г. р.). Лирическая героиня песни «читала на крыльце / Без конца и без начала / И дитя свое качала / Без печали на лице». Запойное и вполетное в быт чтение в то же время выступает «как магический кристалл», преображающий жизнь и дарящий в лице Марины потустороннюю подругу: «И – сияние в ночи, / Озарение в ознобе! / И сидим, обнявшись, обе / У мерцающей свечи». Через судьбу (проза, то есть жизненный сюжет) поэта читательница видит свою судьбу – поэтическую и женскую: «От моего Клина –

¹⁴ Помню фразу руководителя поэтической мастерской, сказанную моей однокурснице: «Вас Цветаевой переехало, как трамваем. Пока не соберете себя из-под нее, ничего своего не напишите». – *Е. Л.*

¹⁵ Текст 1981 г., первая часть, положенная на музыку, вошла в альбом «Тринадцать бриллиантов», 2003 г. *Долина В.* Читая Цветаеву // bards.ru. URL: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=2709> (дата обращения 17 дек. 2024.).

/ До твоего Крыма. / От моего сына – / До твоего сына». Образ Цветаевой связан с трагедией, а читательницы – с живой жизнью («От твоей боли – / До моей были»), что вместе приводит к метафоре костра¹⁶: «От твоей Камы – / До моей Истры... / Твоего пламени – / Все мои искры». Долина отчасти воспроизводит образный и идейный ряд, а также стиль самой Цветаевой – парность образов, паузы – тире, параллелизм, контрасты и тождества, возвышение женских тем и заземление общепоэтических: «Боль, знакомая, как глазам – ладонь, Как губам – Имя собственного ребенка»¹⁷.

В постсоветское время тоже появляется песня, в которой героиня делит с Цветаевой проблемы, типичные уже для своего поколения: «Я полюбила Вас» (2007 г., альбом «Спасибо»), одной из самых ярких фигур российского рока Земфиры* (1976 г. р.). Образы, связанные с самоубийством, ругающиеся матом дворники и строчка «Я выбирала жизнь / Стоя на подоконнике» по-другому расставляют акценты в биографии Цветаевой: теперь это острота любви, смерти и выбора. В одном из эссе (№ 100) читательница пишет о любви Цветаевой к пушкинской Земфире, а Земфиры*-поэта – к Цветаевой как о веренице «вольных и смелых», связанных любовью «до надрыва и до крика». В другом эссе читатель (№ 92) интерпретирует это так: чувство к Цветаевой отводит лирическую героиню Земфиры* от самоубийства на почве любовного разочарования: «Избавить от “плохой” любви может только любовь к классику – современниц не находится».

Обе поэтессы вполне могут быть названы женским голосом своего поколения, их любят и слушают. Это оживление поэтической интонации позволяет читательницам-слушательницам любить одновременно и своего современника, и классика.

Одна из наших собеседниц принимает участие в организации Цветаевского костра. В ходе интервью она называет разных людей, существование которых заставляет по-иному смотреть на мир: сама Цветаева как личность; подруга-поэт; хранители культуры, которых можно увидеть по телевизору в формате близком к кухонной беседе; наконец, вдохновительница Цветаевского костра в родном регионе. Цветаева вписывается в ряд людей, живущих сейчас и близко:

<А что вот в ней (Цветаевой) как в личности больше всего привлекает?> Ну, во-первых, трагическая судьба, естественно. А поскольку

* Внесена Минюстом России в список иноагентов.

¹⁶ В середине 1980-х гг. эта метафора нашла воплощение в практиках Цветаевских костров.

¹⁷ *Цветаева М.И.* Избранные произведения.

я не могу сказать, что я какой-нибудь знаток поэзии хоть какой-нибудь, а потом многие стихи <у М.Ц.> не совсем понятны. Это навело меня на размышления в целом опять же. Во-первых, роль поэта в принципе. Я понимаю, гений, одаренный, свое мировосприятие и так далее. Не в частности, не только Марина Цветаева, а многие, скажем, поэты. Поскольку никого вживую рядом я не видела, не общалась... Я понимаю, это какие-то особые люди, скажем так. Потом я познакомилась с <современной поэтессой>. И раньше с ней познакомилась как с человеком, чем с ее стихами. <...> И я помню, в <19>90-е годы я иногда включала телевизор на такие программы, где там был то ли «Белый попугай», то ли что-то... Никулин еще был. И там встречались артисты. <...> Я находила людей, которые... являлись камертоном, образцом, ориентиром, которые давали мне надежду, что ничего не изменилось. <...> Что было добродетель, так она и осталась. Короче говоря, мир не совсем свихнулся. <Далее – об организаторе Цветаевского костра.> Она просто энтузиаст. Поэтому, глядя на нее, по-другому на мир смотришь. Получается, что... ну просто надо знать, что есть и такие люди (СЛА).

Именно это человеческое близко нашей собеседнице. Стихи – средство объединить людей, которым присуще особое этическое (добродетель) и эстетическое (одаренность) чутье, а костер – возможность быть включенной в этот круг, проживать сопричастность.

Итак, в образе Цветаевой читательницы находят подругу, готовую разделить с ними сложные моменты жизни. Дружба эта – не односторонняя, читательницы не только берут советы, но и возвращают сопереживание и желание помочь:

Так хочется появиться там, где она еще жила – не сдавшаяся, но уже уставшая, и изъять ее оттуда, дать отдых и тепло хоть на день, на час. Или сделать ее – огромной, вот бы стала она неуязвимым великаном, бессмертным и бесстрашным, и всех-всех спасла бы и спаслась сама! (эссе № 18).

Почему я пишу о Марине Цветаевой и мое отношение к ней проходит через боль? Почему собираю по крохам ее прошлое, пытаюсь воссоздать ее Дом, ее детство, посвящаю ей стихи? Потому что считаю, что Марина Цветаева, как никто из поэтов, нуждается в защите (эссе № 14).

Похожие реплики звучали и в наших интервью (СНВ).

Такое присвоение большим количеством людей делает отсылки к ее опыту понятными, доступными для коллективного обсуждения опыта своего, см. в одном из эссе:

- да и Мур. она собралась в Елабугу, а он ей объявил, вы знаете, кто-то потом вспоминал: «бесчестно бросить Москву в такое тяжелое для нее время»
- ох, милый, не травми душу. Москве уже не поможешь... (эссе № 139).

Пространственное присвоение (музеи, экскурсии) тоже играет свою роль:

Цветаевских мест не мало, но Марина для всех одна. И посещение каждого из них дает представление о непростом жизненном пути поэтессы, о прекрасных и катастрофических моментах в ее биографии. Иногда место определяет человека, а порой место ассоциируется только с одним человеком (эссе № 9).

С посещением таких мест связываются нарративы о чудесах: экскурсовод со знаковым именем Сергей и дарообмен (эссе № 146), легенда о засохшей в день смерти Марины тарусской ели (эссе № 82).

Важно отметить, что среди любящих, читающих и перечитывающих Цветаеву количественно преобладают женщины. Существует несколько известных хранителей и популяризаторов творческого наследия поэта мужчин, и на поэтических кострах мужчины тоже присутствуют, но женских историй чтения больше, часто они более личные и эмоционально насыщенные. Отчасти это объясняется тем, что в нарративе о Цветаевой и в ее стихах заложены поведенческие модели и модели чувствования, более актуальные для женщин и открытые для присвоения. При этом цветаевский текст может не только быть значимым для отдельной читательницы, но и скреплять отношения подруг.

Заключение

Распространение знания о поэте из уст в уста, часто – от женщины к женщине, внутри семьи или вокруг какого-то сближающего опыта (от студенческого общежития до войны и лагерей) делает Цветаеву культовой фигурой. С текстами связываются и воспоминания о самом этом опыте, и отношения с разделившими его подругами.

Стихи, посредством которых читатель постигает разные виды привязанности, дружбу, восхищение, любовь, служат коммуникативным медиумом в большей степени, чем какие-либо другие. Наше исследование показало, что, пытаясь разделить эмоциональный опыт с другим человеком, некоторые люди могут предлагать совместный читательский опыт.

Поэтому стихи Цветаевой часто читают и любят в парах или группах. В дальнейшем они продолжают ассоциироваться с учительницей или подругой, что влияет на отношение и к самим текстам, и к другим поклонницам поэта. Цветаева собирает. При том, что установка на единичность и личность – не такая, как все, “я чувствующая” – остается отправной точкой, с которой начинается поиск другого.

Из-за особенностей распространения текстов в советское время (самиздат, условия выдачи в библиотеках, переписывание, пересказ) часто приобщение к творчеству и биографическому мифу происходило через других людей. Увлеченность тех, кто хранил тексты и знание о них, просвещая окружающих, накладывала отпечаток на восприятие самих текстов.

Эта вторичная устность, конечно, отталкивается от печатных текстов, но имеет некоторое сходство с устными традициями в целом. Вариант цензуры коллектива – сужение корпуса текстов. В среднем люди гораздо лучше знают стихи, которые стали песней, а стихи вообще знают лучше, чем поэмы. Есть набор самых популярных текстов, которые часто звучат.

При чтении наизусть нередко происходит трансформация текстов: меняется объем (пропускаются трудные куплеты или несколько стихотворений собираются в одно), забываются или заменяются слова. Это происходит не случайно, часто такое искажение можно рассматривать как присвоение – то есть адаптацию под себя – чужого поэтического высказывания.

В списках и перепечатках тоже ходил ограниченный набор текстов (по воспоминаниям, в таких перепечатках часто встречались описки, изучение которых могло бы стать отдельной темой). Представительница технической интеллигенции вспоминает, что отдавала машинисткам для перепечатки переписку с Пастернаком: они очень соперничали корреспондентам и воспринимали это как любовный роман (ЮЕА).

Устному распространению сопутствует несколько кодов. О музыкальном мы уже писали: песни и мелодекламации, исполняемые как известными артистами, так и просто вдохновившимися читателями – один из каналов распространения текстов. Но также стихам и образу поэта сопутствует предметный код: по данным анкеты, с Цветаевой ассоциируются рябина или экзотические цветы, сердолик или булыжник. Редкий читатель отказывается дать ассоциацию, большинство называет что-то из этого ограниченного набора символов. Визуальный ряд – фотопортреты или изображение костра. Можно заметить, что многие посетительницы костров носят характерную стрижку или крупные перстни, хотя это может быть и совпадением.

Помимо внешних атрибутов читательницы перенимают речевые шаблоны, особенно это касается собственного поэтического письма. Чтобы проследить, что именно позволяет цветаевской интонации существовать вне ее текстов, что провоцирует появление текстов «под Цветаеву», необходимо отдельное исследование, включающее анализ корпуса стихов с умышленными или автоматическими переключками с автором. Но в первом приближении можно увидеть следующие черты:

- синтаксические шаблоны, достаточно индивидуальные, чтобы узнаваться, и в то же время понятные для подражания – антитеза, параллелизм, эллипсис, анжамбеман;
- продуктивные модели словообразования (окказионализмы) и фоносемантика [Зубова 1999], которые делают текст ярким и эффективным;
- интонационно-тематическое новаторство, отвечавшее духу наступающего времени – о женском говорится без застенчивости и сентиментальности;
- наличие эмоциональных матриц, применимых в повседневной жизни читательниц (см. о последнем подробнее [Левочкин, Левочская 2024]).

Отношения автора с языком обнажены: игры с оттенками смысла и народной этимологией, работа со звуком не просто присутствуют, а подчеркиваются и декларируются в поэзии и прозе. Например, в стихах к Блоку, Ахматовой, Эренбургу звучание имени становится и темой, и приемом [Зубова 1999]. Таким образом, стихи Цветаевой содержат в себе и теорию, и практику сложения поэтических текстов в их доминирующем для XX в. виде (единство звука и содержания, формальные изыски, исповедальная или подчеркнута игровая интонация).

Наконец, в тексте, пришедшем изустно, важно, от кого он был услышан. Не случайно в деревенской традиции были особые люди, часто старшие женщины в семье, которые отвечали за тексты эмоциональной регуляции, такие как причитания. В случае со стихами авторитет и харизматичность читателей и читательниц, которые становятся центрами гнезд трансмиссии (экскурсоводов, увлеченных педагогов, организаторов костров), безусловно влияют на восприятие и дальнейшее распространение любви к поэту и его текстам. И поэзия становится посредником между людьми и путем распространения культурных матриц.

В дальнейшем ситуация меняется – Цветаева появляется в школьной программе и массово издается. Но увлеченные школьники часто перенимают любовь к Цветаевой не в школе, а от значимых взрослых и/или через устные нарративы. А для

ряда читателей старшего поколения, переживших знакомство с автором через личные истории, Цветаева остается поэтом-символом.

Благодарности

Статья написана при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-01717 «Цветаевские костры как ритуал, культурная сцена и эмоциональное убежище».

Acknowledgements

The work was written under the financial support from Russian Science Foundation, project no. 23-28-01717 “Tsvetaeva fires as ritual, cultural scene and emotional refuge”.

Список информантов

АК – ж., ученица 10-го класса, зап. Е.Ф. Левочской, 2023 г.
ГЛК – м., 1944 г. р., зап. А.М. Морозовой, 2023 г.
Инф. 1 – ж., 2002 г. р., ответ на электронное анкетирование.
Инф. 2 – ж., 2002 г. р., ответ на электронное анкетирование.
Инф. 3 – ж., 2006 г. р., зап. Е.Ф. Левочской, 2023 г.
Инф. 4 – ж., 2006 г. р., зап. Е.Ф. Левочской, 2023 г.
Инф. 5 – м., 2002 г. р., ответ на электронное анкетирование.
Инф. 6 – ж., 2002 г. р., ответ на электронное анкетирование.
Инф. 7 – м., 1972 г. р., ответ на электронное анкетирование.
Инф. 8 – ж., 1969 г. р., ответ на электронное анкетирование.
Инф. 9 – ж., 2001 г. р., ответ на электронное анкетирование.
КГ – ж., 1953 г. р., ответ на электронное анкетирование.
МДЯ – м., 1946 г. р., зап. И.С. Богатыревой, 2020 г.
СЛА – ж., 1967 г. р., зап. Е.Ф. Левочской, 2023 г.
СНВ – ж., 1950 г. р., зап. Е.Ф. Левочской, 2023 г.
СРС – ж., 1940 г. р., зап. С.С. Левочским и Е.Ф. Левочской, 2023 г.
ТЕВ – ж., 1968 г. р., зап. С.С. Левочским и Е.Ф. Левочской, 2022 г.
ПШВ – ж., 1962 г. р., зап. С.С. Левочским и Е.Ф. Левочской, 2023 г.
ЮЕА – ж., 1951 г. р., зап. Е.Ф. Левочской, 2023 г.
ЯВВ – ж., 1957 г. р., зап. А.М. Морозовой, 2023 г.

Литература

Гронас 2012 – Гронас М. Наизусть: о мнемоническом бытовании стиха // Новое литературное обозрение. 2012. № 2. URL: <https://magazines.>

- gorky.media/nlo/2012/2/naizust-o-mnemonicheskom-bytovanii-stiha.html (дата обращения 2 нояб. 2023).
- Зубова 1999 – *Зубова Л.В.* Язык поэзии Марины Цветаевой (фонетика, словообразование, фразеология). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 232 с.
- Изер 2008 – *Изер В.* К антропологии художественной литературы // Новое литературное обозрение. 2008. № 6 (94). С. 7–21.
- Левочский, Левочская 2024 – *Левочский С.С., Левочская Е.Ф.* Народная тропа: Марина Цветаева и ее читатели // Новый мир. 2024. № 1. С. 197–212.
- Левочский, Левочская, Морозова 2024 – *Левочский С.С., Левочская Е.Ф., Морозова А.М.* Человек, читающий стихи: ритуальная природа поэтического костра // Шаги/Steps. Т. 10. № 1. 2024. С. 270–296.
- Розенвейн 2023 – *Розенвейн Б.* Любовь: История в пяти фантазиях. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 248 с.
- Югай 2018 – *Югай Е.Ф.* Этнография эзопова языка в творческой среде в позднее советское время // Новый мир. 2018. № 5. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2018_5/Content/Publication6_6910/Default.aspx (дата обращения 2 нояб. 2023)

References

- Gronas, M. (2012), “By heart. About the mnemonic existence of the verse”, *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 2, available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/2/naizust-o-mnemonicheskom-bytovanii-stiha.html> (Accessed 2 Nov. 2023).
- Iser, V. (2008), “Towards the anthropology of fiction”, *Novoe literaturnoe obozrenie*, vol. 94, no. 6, pp. 7–21.
- Yugai, E.F. (2018), “Ethnography of the Aesopian language in the creative environment in the Late Soviet period”, *Novyi mir*, no. 5, available at: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2018_5/Content/Publication6_6910/Default.aspx (Accessed 2 Nov. 2023).
- Levochskii, S.S. and Levochskaya, E.F. (2024), “The man who reads poetry. The ritual nature of a poetic bonfire”, *Novyi mir*, no. 1, pp. 197–212.
- Levochskii, S.S., Levochskaya, E.F. and Morozova, A.M. (2024), “The one who declaims poems. The ritual nature of the poetic bonfire”, *Shagi/Steps*, vol. 10, no. 1, pp. 270–296.
- Rosenwein, B. (2023), *Lyubov’: Istoriya v pyati fantazyakh* [Love. A story in five fantasies], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Zubova, L.V. (1999), *Yazyk poezii Mariny Tsvetaevoi (fonetika, slovoobrazovanie, frazeologiya)* [The language of Marina Tsvetaeva’s poetry (phonetics, word formation, phraseology)], Izdatel’stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторах

Елена Ф. Левочская, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр-кт Вернадского, д. 82; *leta.ugay@gmail.com*

ORCID ID: 0000-0001-8612-1361

Сергей С. Левочский, кандидат философских наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр-кт Вернадского, д. 82;

Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2; *levochskyss@gmail.com*

ORCID ID: 0000-0002-2705-7133

Information about the authors

Elena F. Levochskaya, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; 82, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571, *leta.ugay@gmail.com*

ORCID ID: 0000-0001-8612-1361

Sergei S. Levochskii, Cand. of Sci. (Philosophy), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; 82, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571;

I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russia; 8, Trubetskaya St., Moscow, Russia, 119991; *levochskyss@gmail.com*

ORCID ID: 0000-0002-2705-7133